

ЖЕНСКАЯ АВТОБИОГРАФИЧНОСТЬ В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЕ

Бузрукова Камилла Джамаловна

преподаватель кафедры теории русского языка

и переводоведения АГИИЯ

Аннотация. В статье рассматривается женская автобиографичность как особый способ саморепрезентации личности в письмах и дневниковой прозе. Показано, что эпистолярные и дневниковые тексты объединяет установка на достоверность, личностную рефлексию и фиксацию внутреннего опыта, однако степень адресованности, способы самоописания и формы организации памяти в них различны. Женское письмо и женский дневник анализируются как автодокументальные практики, в которых личная история становится формой культурного высказывания. Особое внимание уделяется связи женской автобиографичности с повседневностью, эмоциональной насыщенностью, семейной сферой, самооценкой и поиском собственной идентичности. Делается вывод о том, что письма и дневниковая проза не только фиксируют женский жизненный опыт, но и конструируют авторское «я», превращая частную речь в значимый литературный и культурный феномен.

Ключевые слова: женская автобиографичность, эпистолярный жанр, дневниковая проза, автодокументальный текст, женское письмо, самоидентификация, мемуарно-автобиографический дискурс, повседневность.

В современном литературоведении и смежных гуманитарных дисциплинах все более отчетливо осознается значимость автодокументальных текстов как особой формы культурной памяти и самопознания. Письмо, дневник, воспоминание, автобиография образуют общее поле автобиографического письма, внутри которого человек не только сообщает о прожитом, но и осмысляет себя в пространстве времени, опыта и отношений. Как подчеркивает А. Н. Алексеев, письмо, дневник и

автобиография представляют собой сопряженные формы коммуникации и автобиографического повествования, связанные с сохранением памяти, передачей жизненного опыта и самовыражением личности [1, с. 48, 56]. В этом ряду женские письма и дневники занимают особое место, поскольку в них особенно ярко проявляется переход от частного жизненного факта к форме внутренней рефлексии и культурного самоописания.

Женская автобиографичность не сводится к простому присутствию автора в тексте. Она предполагает такую организацию повествования, при которой жизненный опыт женщины становится предметом осмысления, эмоциональной оценки и речевого конструирования. В этом смысле важна мысль Д. В. Минец о том, что мемуарно-автобиографические тексты являются особенно удобной средой для самовыражения, самооценки и саморепрезентации автора, а центральной категорией подобного дискурса выступает «эго», то есть концепт идентичности [4, с. 3–4]. Исследователь также подчеркивает, что женский мемуарно-автобиографический дискурс следует рассматривать как единство гендерной картины мира, процесса автокоммуникации и системы текстов, в которых конструируется женское «я» [4, с. 7]. Следовательно, женская автобиографичность в письмах и дневниковой прозе есть не столько прямое воспроизведение биографических фактов, сколько их интерпретация изнутри личного опыта.

Особое значение для понимания данной проблемы имеет различение письма и дневника как двух родственных, но не совпадающих форм автодокументального высказывания. Дневник, по определению Ж. Х. Салхановой и А. С. Утебековой, является древнейшей формой литературного творчества, своеобразным «диалогом с самим собой»; ему свойственны датированность, связь записи с только что пережитым событием, интимный и потому искренний характер высказывания [6, с. 369]. При этом дневник, как отмечают исследователи, обычно пишется для себя и не рассчитан на публичное восприятие, что придает ему особую достоверность и позволяет фиксировать внутреннее движение мысли и чувства [6, с. 369–370]. Письмо же, напротив, изначально строится как обращение к другому, но это

обращение нередко становится способом проговаривания себя, собственных состояний, страхов, надежд и самооценок. Именно поэтому автобиографичность письма носит диалогический характер, тогда как автобиографичность дневника чаще тяготеет к внутреннему монологу.

Вместе с тем граница между письмом и дневником не является абсолютной. М. В. Ромашкина справедливо замечает, что дневники могут рассматриваться как письма к самому себе, тогда как письма, адресованные разным людям, позволяют увидеть стилистические оттенки и разные формы самопрезентации одного и того же автора [5, с. 53–54]. Это особенно важно применительно к женским автодокументальным текстам, в которых адресат — реальный или воображаемый — влияет на способ самоописания. В письме женское «я» выстраивается через отношение к другому: близкому человеку, члену семьи, подруге, мужу, духовному собеседнику. В дневнике это же «я» чаще соотносится с собственным прошлым, совестью, внутренним судом или идеальным образом себя. Поэтому в обоих случаях автобиографичность не просто фиксирует пережитое, а моделирует идентичность.

Русская эпистолярная традиция дает особенно выразительный материал для анализа женской автобиографичности. По наблюдению А. В. Беловой, активное участие женщин в переписке, потребность в самовыражении и способность к культурной рефлексии позволяют говорить о существовании женской эпистолярной культуры как самостоятельного историко-культурного феномена [2, с. 168–169]. Личные архивы дворянок, сохранявшие письма и черновики, были не только свидетельством интенсивного письменного общения, но и формой организации личной памяти. В женских письмах частная жизнь не отгесняется на периферию, а, напротив, становится смысловым центром высказывания. Это означает, что автобиографичность в женском письме строится вокруг опыта повседневности, семейных отношений, душевного состояния и внутренней рефлексии.

Белова особо подчеркивает, что женская эпистолярная культура рубежа XVIII–XIX веков была культурой бытового общения, сформированной миром дворянской повседневности и обращенной к нему; предметом эпистолярной рефлексии

становились родственный круг, частная жизнь дворянки, ее физическое и душевное самочувствие, радости и горести, будни и праздники [2, с. 182–183]. Именно в этом проявляется важнейшая черта женской автобиографичности: она строится не на героизации собственной судьбы, а на внимательном описании повседневного мира и собственной внутренней включенности в него. Письмо оказывается пространством, где женщина не только сообщает о себе, но и постепенно формирует язык самоописания, в котором ценность частного опыта становится литературно значимой.

Если письмо демонстрирует женскую автобиографичность в ситуации обращения к другому, то дневниковая проза позволяет увидеть ее в более концентрированном виде. В дневнике особенно важны хронологичность, повторяемость записи, близость текста к моменту переживания и отсутствие обязательной внешней адресованности. Однако именно эта внешняя замкнутость делает дневниковый текст предельно насыщенным внутренним адресатом. Женщина, ведущая дневник, вступает в диалог с собой, со своей памятью, со своим будущим читателем или с системой ценностей, в свете которой оценивает себя. Поэтому дневниковая автобиографичность отличается не меньшей, а большей степенью диалогичности, хотя этот диалог развернут внутрь сознания. Как показывает исследование дневникового жанра, именно интимный характер записи и ее связь с текущей жизнью обеспечивают тексту искренность, а его автору — возможность фиксировать духовное развитие, самоорганизацию и самовоспитание [6, с. 369].

Для женской дневниковой прозы особенно характерна связь автобиографичности с эмоциональной насыщенностью и повседневностью. Е. А. Самофалова, анализируя женскую мемуарную и автобиографическую прозу XIX века, отмечает, что в отличие от мужской тенденции к табуированию собственных переживаний и вытеснению частной сферы, женская автобиография с самого начала была отмечена большей эмоциональной насыщенностью и стремлением к пространной рефлексии [7, с. 8]. Исследователь, опираясь на наблюдения Н. Л.

Пушкаревой, подчеркивает, что женщины проще и естественнее говорили о том, что окружало их в повседневности, в семье, в кругу близких, а потому их тексты способствуют переоценке ценностей в пользу частной сферы жизни человека [7, с. 8–9]. Иными словами, женская автобиографичность формирует особый тип литературного внимания, в котором бытовое не противопоставлено духовному, а является его непосредственной средой.

Самофалова также пишет, что воспоминания и автодокументальные тексты были отражением женской индивидуальности, ее личностного эмоционального начала; они позволяют судить о ценностях, психологии, поведении, круге общения и образе жизни женщины [7, с. 9]. Эта мысль особенно продуктивна для анализа дневниковой прозы: дневник не только хранит факты жизни, но и делает видимым процесс самоосмысления. При этом женский дневник часто выстраивается на пересечении допустимого и запретного, открытого и скрытого. Не случайно Самофалова, ссылаясь на И. Л. Савкину, поднимает вопросы о том, как женщина мотивирует свое право писать автобиографические воспоминания, какими способами репрезентирует свое «я», из каких культурно-социальных ролей говорит и где проходят границы допустимого в самоописании [7, с. 10–11]. Тем самым женская автобиографичность оказывается не только формой саморассказа, но и формой культурного самооправдания и самоутверждения.

Внутренняя работа самоконструирования особенно отчетлива в тех дневниках, где личность становится предметом последовательного наблюдения и анализа. Д. В. Минец показывает это на материале женского мемуарно-автобиографического дискурса XIX–XX веков. Так, в дневнике М. К. Башкирцевой прямые самохарактеристики становятся важнейшим приемом самопрезентации, а в «Петербургском дневнике» З. Н. Гиппиус чередование «я» и «мы» выступает особенностью конструирования авторской идентичности [4, с. 14]. Эти наблюдения позволяют сделать существенный вывод: женская автобиографичность в дневниковой прозе строится не только на признании внутренней жизни, но и на

поиске речевой формы, в которой автор может соотнести личное, социальное и гендерное начала своего существования.

Автобиография как жанр вообще обещает читателю, по выражению Л. Мартенс, путешествие во внутренний мир другого человека и показывает, как человек счел нужным представить себя современникам и потомкам [3, с. 10–11]. Это определение особенно точно применимо к женским письмам и дневникам, поскольку они часто существуют на границе между приватным и потенциально публичным. Даже когда письмо или дневник не предназначены для печати, в них уже присутствует работа самоформулирования, выбора интонации, отбора того, что может быть сказано о себе. В этом смысле женская автобиографичность есть не «естественное» высказывание о жизни, а ее речевое и смысловое оформление. Она предполагает одновременно память, самооценку, эмоциональную рефлексия и культурную модель женственности, внутри которой автор говорит о себе. ([NLO Books](#))

Таким образом, женская автобиографичность в письмах и дневниковой прозе представляет собой сложную форму саморепрезентации, в которой частная жизнь превращается в текст, а текст — в пространство самоосмысления. Письмо делает это через обращенность к другому, через диалог, эмоциональную связь и социальную конкретность адресата. Дневниковая проза осуществляет ту же задачу через внутренний монолог, подневную фиксацию опыта, самоанализ и работу памяти. Обе формы объединяет стремление не просто рассказать о прожитом, а «написать себя», выстроить образ собственного «я» на пересечении повседневности, чувства, культурной нормы и личной свободы. Поэтому женские письма и дневники следует рассматривать не как периферийные документы частной жизни, а как значимый пласт автодокументальной словесности, в котором формируется особый тип литературной субъективности.

Список литературы

1. Алексеев А. Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 46–56.
2. Белова А. В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 167–185.
3. Мартенс Л. Ее словами: Женская автобиография. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 10–13.
4. Минец Д. В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2012. 24 с.
5. Ромашкина М. В. Дневник: эволюция жанра // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
6. Салханова Ж. Х., Утебекова А. С. Дневник как литературный жанр // Нефилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 368–376.
7. Самофалова Е. А. Проблема жанра в русской автобиографической прозе второй половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.